

Оценка трансформационного потенциала креативного сектора России: между драйвером и конгломератом

Хмелева Галина Анатольевна*¹, доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры «Региональная экономика и управления»

Матерова Елена Сергеевна², кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономическая теория»

Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

*E-mail: galina.a.khmeleva@yandex.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4953-9560>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7262-3256>

Поступила в редакцию 23.01.2026

Пересмотрена 01.03.2026

Принята к публикации 03.03.2026

Аннотация: **Проблема.** Несмотря на признание креативного сектора драйвером структурной трансформации в развитых экономиках, отсутствует комплексная количественная оценка степени его интеграции в глобальные тренды применительно к России. Существующие исследования фрагментарны, опираются на устаревшие данные и не учитывают посткризисную трансформацию 2022–2024 гг., что препятствует выработке обоснованной экономической политики. **Цель.** На основе сравнительного анализа количественных показателей и институциональных условий выявить специфику влияния креативного сектора на процессы структурной трансформации экономики России в контексте общемировых тенденций и определить ключевые барьеры реализации его трансформационного потенциала. **Методы.** Исследование базируется на комплексной методологии, включающей сравнительный анализ макроэкономических показателей России, США и Китая за 2021–2024 гг. и качественный анализ институциональных факторов. Для количественной интегральной оценки разработан авторский Индекс соответствия глобальным трендам (ИСГТ), включающий четыре компонента: цифровизация, экспорт, полицентризм, институты. **Результаты.** Выявлен фундаментальный разрыв между Россией и странами-лидерами: доля креативного сектора в ВВП РФ достигла 4,1 % (против 4,5–4,6 % в США и Китае), однако рост обеспечен преимущественно IT-кластером. Экспорт креативных услуг сократился более чем в 4 раза, занятость в секторе также незначительна – 1,55 % рабочей силы (в США – 3,23 %). Пространственная гиперконцентрация в Центральном ФО достигла 68 % ВДС. ИСГТ для России составил 0,28, что свидетельствует о низком уровне соответствия глобальным трендам. **Выводы.** Российский креативный сектор в текущем состоянии представляет собой не единый агент трансформации, а конгломерат разнородных активов с конъюнктурным, а не структурным ростом. Выявленные дисбалансы требуют не наращивания финансирования, а глубинной структурной перестройки, направленной на преодоление разрывов между технологиями и содержанием, столицей и регионами, госзаказом и рыночной экспансией.

Ключевые слова: креативная экономика, структурная трансформация, креативные индустрии, экспорт креативных услуг, интегральный индекс, цифровизация, пространственная концентрация, индекс креативности

Для цитирования: Хмелева Г.А., Матерова Е.С. Оценка трансформационного потенциала креативного сектора России: между драйвером и конгломератом // Цифровая экономика и инновации. 2025. № 4. С. 43–54. DOI: <https://doi.org/10.18323/3034-2074-2025-4-63-4>.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап глобального экономического развития характеризуется усилением роли нематериальных активов, знаний и творчества как ключевых факторов конкурентоспособности. Это нашло свое выражение в становлении и быстром росте креативной экономики – хозяйственной системы, в которой стоимость создается преимущественно за счет интеллектуальной собственности, культурного наследия, индивидуального таланта и инновационных технологий [1]. Креативный сектор, являясь ее ядром и объединяя индустрии от IT и дизайна до аудиовизуальных искусств, перестал быть периферийной нишевой сферой. В передовых экономиках он превратился в самостоятельный драйвер роста, оказывающий мультипликативное влияние на сопредельные отрасли, занятость и городскую среду, тем самым вы-

ступая агентом глубокой структурной трансформации [2]. Этот процесс предполагает переход от ресурсно-индустриальной модели к экономике, где ценность создается за счет инноваций, культурного кода и уникального контента.

Актуальность темы исследования обусловлена сочетанием глобальных экономических трендов и конкретных вызовов, стоящих перед российской экономикой. Во-первых, в мире происходит переоценка источников экономического роста, где креативный капитал и интеллектуальная собственность становятся критически важными активами, а ведущие страны целенаправленно наращивают конкурентные преимущества в этой сфере [3]. Во-вторых, для России развитие креативного сектора представляет собой один из немногих реалистичных путей диверсификации экономики в условиях внешнего

давления и необходимости построения новой модели устойчивого роста, не зависящей исключительно от сырьевого экспорта. Наконец, существует заметный разрыв между декларируемым в государственных стратегиях потенциалом креативных индустрий и их фактическим вкладом в ВВП, что требует объективного анализа причин и поиска эффективных решений. Таким образом, сравнительное изучение мировых и российских тенденций развития креативного сектора позволит выявить узкие места, адаптировать лучшие международные практики и в дальнейшем сформировать научно обоснованные рекомендации для экономической политики, направленной на структурную трансформацию.

На сегодняшний день вопрос роли креативного сектора в экономическом развитии обладает значительной теоретической проработкой. Так, достаточно хорошо проработан аспект дефиниций креативной экономики [4; 5], изучена ее функциональная сторона и методология анализа [6; 7]. Однако эмпирические исследования, особенно в российском контексте, имеют ряд существенных пробелов. В первую очередь необходимо отметить преобладание гуманитарных и социокультурных подходов, в то время как строгий экономический анализ – оценка вклада в ВВП, влияние на рынок труда, мультипликативные эффекты и экспортного потенциала – остается фрагментарным и зачастую носит ведомственный характер [8; 9]. Также ощущается дефицит комплексных и актуальных исследований, учитывающих стремительную цифровизацию сектора: многие работы опираются на устаревшие данные, не отражающие постпандемические сдвиги и текущие реалии. Кроме того, международный сравнительный аспект представлен либо средним значением показателей по регионам мира и наиболее экономически развитым странам [10–13], либо иллюстрируется отдельными работами, посвященным частным кейсам не релевантных для сопоставительного анализа стран [14; 15]. Таким образом, настоящее исследование направлено на заполнение указанных пробелов путем проведения актуального экономико-статистического сопоставления мировых и российских тенденций.

Цель исследования – на основе сравнительного анализа количественных показателей и институциональных условий выявить специфику влияния креативного сектора на процессы структурной трансформации экономики в России в контексте общемировых тенденций и определить ключевые барьеры для реализации его трансформационного потенциала.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объекты и общая методология исследования

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий сравнительный анализ, статистические методы и методологию построения синтетического индекса для агрегированной оценки. Целью является не только констатация различий, но и количественное измерение степени интеграции национального креативного сектора в общемировые процессы структурной трансформации. Для обеспечения репрезентативности сравнения в качестве объектов выбраны три ключевые экономики, представляющие различные модели: США –

мировой лидер с развитой рыночно-ориентированной экосистемой, Китай – пример мощной государственной поддержки и интеграции креативного сектора в промышленную и технологическую политику, и Россия – страна с формирующимся сектором, находящимся в поиске собственной траектории роста.

Эмпирическая база и источники данных

Эмпирическая база сформирована на основе анализа ключевых макроэкономических показателей за период 2021–2024 гг., что позволяет учесть реакцию на внешние шоки и новые рыночные тренды.

В рамках данного исследования обозначившийся в российской экономике разрыв связей с мировыми рынками интерпретируются не как временный конъюнктурный барьер, а как фиксация нового институционального состояния. В пользу этой трактовки свидетельствует отсутствие восстановительной динамики в 2023–2024 гг.

Основными измеряемыми параметрами являются валовая добавленная стоимость креативного сектора в абсолютном выражении и ее доля в ВВП страны, что является центральным индикатором структурного веса. Также рассматривается динамика экспорта креативных товаров и услуг, отражающая интеграцию в глобальные процессы создания стоимости и конкурентные позиции; и показатели занятости в креативных индустриях.

Также были проанализированы качественные факторы развития, определяющие среду для развития сектора: государственное регулирование и поддержка, географическая концентрация, инновационная и цифровая компонента.

Исследование базируется на данных национальных статистических служб (Росстат, Бюро экономического анализа США, Национальное бюро статистики Китая), отчетах международных организаций (ОЭСР, ЮНКТАД), а также аналитических обзорах авторитетных отраслевых ассоциаций (Национальный фонд искусств США).

Данные по Китаю используются с учетом методологических особенностей национальной статистики и проходят перекрестную верификацию с базами ЮНКТАД для обеспечения сопоставимости. Также основной акцент в сравнительном анализе сделан не на абсолютных значениях добавленной стоимости, а на доле сектора в ВВП. Прямое сравнение показателей занятости с Китаем в работе не проводится ввиду различий в классификациях.

Интегральный индекс соответствия глобальным трендам

Для перевода качественных выводов в плоскость количественной оценки был разработан Интегральный индекс соответствия глобальным трендам (ИСГТ). Его цель – дать сводную оценку того, насколько траектория развития национального креативного сектора России соответствует ключевым драйверам структурной трансформации мировой экономики. Индекс строится на четырех компонентах, соответствующих выявленным в теоретическом обзоре глобальным трендам (таблица 1).

Веса компонентов (w_i) были определены методом аналитической иерархии на основе экспертного опроса, в котором приняли участие 5 специалистов в области экономики креативных индустрий и регионального развития. Экспертам предлагалось попарно сравнить

Таблица 1. Структура Интегрального индекса соответствия глобальным трендам
Table 1. Structure of the Integrated Global Trend Alignment Index

Измеряемый индикатор	Способ измерения	Вес компонента (w_i)
Цифровизация		
Уровень цифровой зрелости сектора	Экспертная оценка по шкале [0; 1] на основе анализа внедрения AI/VR, доли предприятий, внедряющих инновации	0,30
Рост экспорта услуг		
Динамика экспорта креативных услуг	Отношение объема экспорта креативных услуг в году t к базовому году (2021): $I_2 = \text{Exp}_t / \text{Exp}_{2021}$	0,30
Полицентризм и кластеризация		
Географическая диверсификация	$1 - (\text{Доля столичного региона в ВДС сектора} / 100 \%)$. $I_3 = 1 - \text{ВДС Центрального ФО}$	0,20
Рыночно-ориентированная институциональная поддержка		
Сбалансированность инструментов госполитики	Экспертная оценка по шкале [0; 1] на основе анализа соотношения прямых субсидий и рыночных стимулов (налоги, венчур)	0,20

относительную важность компонентов для структурной трансформации экономики. Согласованность суждений (коэффициент согласованности) составила 0,08, что находится в допустимых пределах (<0,1). В результате наибольший вес был присвоен компонентам «Цифровизация» и «Рост экспорта», что отражает консенсус в научной литературе об их определяющей роли в новой экономической парадигме.

ИСГТ для страны рассчитывается как взвешенная сумма нормализованных значений компонент:

$$\text{ИСГТ} = \sum I_i \times w_i,$$

где I_i – значение i -го индикатора, нормализованное в диапазоне [0; 1],

w_i – вес i -го компонента.

Индекс принимает значения от 0 (полное несоответствие глобальным трендам) до 1 (полное соответствие).

Для оценки устойчивости полученных результатов к изменению методики расчета была проведена проверка на чувствительность. Расчет индекса был повторен при двух альтернативных сценариях распределения весов: всем четырем компонентам присваивался равный вес по 0,25 и вес компонента «Цифровизация» увеличивался до 0,40 за счет пропорционального снижения весов институционального и пространственного компонентов (до 0,15 каждый).

Результаты показали, что значение индекса колеблется в узком диапазоне 0,276–0,291, а отклонения от базового сценария не превышают 3%, что свидетельствует о высокой устойчивости будущей оценки.

Для содержательной интерпретации полученного числового значения была разработана шкала соответствия глобальным трендам:

– 0,00–0,33 – низкий уровень соответствия (периферийная модель, сектор развивается изолированно от глобальных драйверов);

– 0,34–0,66 – средний уровень соответствия (догоняющая модель, отдельные компоненты интегрированы в глобальные тренды);

– 0,67–1,00 – высокий уровень соответствия (лидирующая модель, сектор выступает драйвером структурных изменений).

Таким образом, предложенный методический аппарат позволяет последовательно провести сравнительный анализ на макроуровне (сравнение показателей), а затем осуществить синтетическую оценку с помощью авторского индекса, что обеспечивает многоуровневость и полноту исследования.

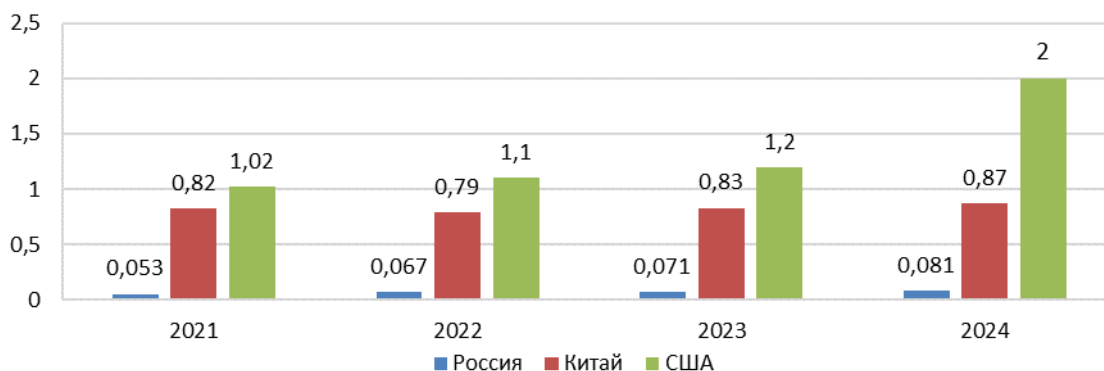
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Добавленная стоимость креативной экономики и ее вклад в ВВП

В рамках исследования первоочередное внимание необходимо уделить анализу ключевого макроэкономического индикатора – валовой добавленной стоимости (ВДС) и ее доли в ВВП, что позволяет объективно оценить масштаб и структурный вес сектора в каждой из рассматриваемых стран.

Согласно представленным данным (рис. 1), в абсолютном выражении лидерство США носит доминирующий характер. Так, к 2024 году по предварительным расчетам НДС сектора креативной экономики достигает 2 трлн долл.¹, что свидетельствует о его трансформации в один из системообразующих комплексов национальной экономики. Китайский креативный сектор,

¹ *Art and Cultural Industries Grew at Twice the Rate of the U.S. Economy, Adding 1.2 Trillion // National Endowment for the Arts. URL: <https://www.arts.gov/news/press-releases/2025/arts-and-cultural-industries-grew-twice-rate-us-economy-adding-12-trillion>.*

Рис. 1. Динамика валовой добавленной стоимости креативной экономики, трлн долл.

Fig. 1. Dynamics of gross value added of the creative economy, trillion USD

Источники: Составлено автором на основе: Информация о ключевых экономических показателях (индикаторах), характеризующих креативную экономику РФ // Федеральная служба государственной статистики.

URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Indicators%20of%20Creative%20Economy_2021-2024.xlsx.

Development Report on Culture and Related Industries in 2024 // National Bureau of Statistics of China.

URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202507/t20250707_1960343.html?#:~:text=Expenditure%20on%20research%20and%20development,that%20of%20all%20cultural%20industries.

Art and Cultural Industries Grew at Twice the Rate of the U.S. Economy, Adding 1.2 Trillion //

National Endowment for the Arts. URL: <https://www.arts.gov/news/press-releases/2025/arts-and-cultural-industries-grew-twice-rate-us-economy-adding-12-trillion>.

Arts and Cultural Production Satellite Account, U.S. and States, 2022. New statistics for 2022; 2017–2021 updates // Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/news/2024/arts-and-cultural-production-satellite-account-us-and-states-2022>.

Sources: Compiled by the author based on data from Information on key economic indicators (indicators of the creative economy of the Russian Federation). Federal State Statistics Service.

URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Indicators%20of%20Creative%20Economy_2021-2024.xlsx.

Development Report on Culture and Related Industries in 2024. National Bureau of Statistics of China.

URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202507/t20250707_1960343.html?#:~:text=Expenditure%20on%20research%20and%20development,that%20of%20all%20cultural%20industries.

Art and Cultural Industries Grew at Twice the Rate of the U.S. Economy, Adding 1.2 Trillion.

National Endowment for the Arts. URL: <https://www.arts.gov/news/press-releases/2025/arts-and-cultural-industries-grew-twice-rate-us-economy-adding-12-trillion>.

Arts and Cultural Production Satellite Account, U.S. and States, 2022. New statistics for 2022; 2017–2021 updates. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/news/2024/arts-and-cultural-production-satellite-account-us-and-states-2022>.

с показателями в диапазоне 0,79–0,87 трлн долл.², формирует второй глобальный полюс, сопоставимый по масштабу с американским в начале анализируемого периода. В отличие от них, российский показатель, находящийся в интервале 0,053–0,081 трлн долл.³, отстает на порядок, что определяет его статус как формирующегося, а не ведущего макроэкономического сегмента.

Динамика исследуемого показателя также выявляет разнонаправленные тренды. Для экономики США характерна устойчивая положительная траектория, с заметным нелинейным ростом в 2024 году, который может быть ин-

терпретирован как результат синергетического эффекта от широкого внедрения технологий искусственного интеллекта, консолидации рынков цифрового контента и постпандемического восстановления потребительского спроса. Китай демонстрирует сдержанную положительную динамику с признаками стабилизации после коррекции 2022 года, вызванной комплексом внутренних регуляторных и макроэкономических факторов, что указывает на переход к этапу управляемого, планового развития сектора. Российская динамика, несмотря на сохраняющийся положительный тренд, характеризуется замедлением темпов абсолютного прироста в 2023–2024 годах. Совокупный прирост за четырехлетний период составил лишь 0,028 трлн долл., что в контексте структурной трансформации представляется недостаточным для качественного изменения роли сектора.

Проведенный анализ абсолютных значений ВДС, однако, не дает полного представления о структурном значении креативного сектора для национальных экономик. Более релевантным показателем для оценки его трансформационной роли является относительный вклад – доля сектора в валовом внутреннем продукте

² Development Report on Culture and Related Industries in 2024 // National Bureau of Statistics of China.

URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202507/t20250707_1960343.html?#:~:text=Expenditure%20on%20research%20and%20development,that%20of%20all%20cultural%20industries.

³ Информация о ключевых экономических показателях (индикаторах), характеризующих креативную экономику РФ // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Indicators%20of%20Creative%20Economy_2021-2024.xlsx.

(ВВП) страны. Сравнение данных по этому параметру позволяет нивелировать различия в абсолютных масштабах экономик и выявить, насколько весомым является креативный сектор в формировании общей экономической структуры.

Проведенный сравнительный анализ доли креативного сектора в ВВП (рис. 2) демонстрирует устойчивый разрыв между Россией и экономическими лидерами, несмотря на наблюдаемое в последние годы относительное улучшение позиций РФ. В начале периода (2021–2022 гг.) значение показателя для России стагнировало на уровне 3,2 %⁴, что на 1,2–1,3 процентных пункта ниже, чем в Китае и США. К 2024 году разрыв несколько сократился, однако он по-прежнему остается значительным: 4,1 % в России против 4,5–4,6 % у конкурентов.

Важно отметить разную природу динамики. В США и Китае доля креативного сектора стабилизировалась на показателе около 4,5 %⁵, что указывает на его устоявшееся положение как одного из ключевых, но не доминирующих компонентов экономики. Для этих стран характерна зрелость сектора и его органичное встраивание в сложившуюся отраслевую структуру. В России зафиксирован ускоренный рост показателя с 3,2 % до 4,1 %, преимущественно за счет последних двух лет. Однако этот рост носит неоднозначный характер: отчасти он может объясняться не столько опережающим развитием самого креативного сектора, сколько сжатием доли традиционных отраслей (в первую очередь, сырьевого сектора) в условиях внешнеторговых и финансовых ограничений. Таким образом, относительный рост может быть в значительной степени артефактом общей экономической конъюнктуры, а не свидетельством качественной структурной перестройки.

Структурный анализ также выявляет высокую степень гетерогенности внутри российского креативного сектора. По экспертным оценкам, свыше 60–70 % его вклада в ВВП обеспечивается IT-подсектором, тогда как вклад культурных, художественных и медийных индустрий остается незначительным⁶. В Китае и США, напротив, наблюдается более сбалансированная структура при доминировании нескольких крупных кластеров (в Китае – цифровой контент и дизайн, в США – программное обеспечение и медиаразвлечения). Российская модель, таким образом, характеризуется узкой

отраслевой базой, что создает риски для устойчивости ее вклада в долгосрочной перспективе.

Креативная экономика и рынок труда

В контексте структурной трансформации экономики критически важным является его способность создавать новые высокопроизводительные рабочие места, перераспределяя человеческий капитал. Для анализа данного параметра проводится целенаправленное сравнение показателей занятости в России и США, что обусловлено сопоставимостью методик статистического учета в этих странах.

Анализ абсолютной численности занятых подтверждает значительное отставание российского сектора. К 2024 году в креативных индустриях США было занято 5,625 млн чел.⁷, что почти в 5 раз превышает показатель России (1,19 млн чел.)⁸. Хотя оба рынка демонстрируют положительную динамику, совокупный прирост в РФ за четыре года составил лишь 0,163 млн чел., тогда как в США сектор создал дополнительно 0,724 млн рабочих мест (рис. 3).

Более показательным является сравнение относительных величин – доли занятых в креативном секторе от общей численности рабочей силы. Именно этот параметр отражает реальное структурное влияние на рынок труда. В США данный показатель стабильно превышал 3 % на протяжении всего периода, достигнув 3,23 % в 2024 году, что свидетельствует о глубокой и устойчивой интеграции креативных профессий в экономику. В России, несмотря на рост с 1,36 % до 1,55 %, этот показатель оставался более чем в два раза ниже американского уровня. Таким образом, перераспределение трудовых ресурсов в пользу креативной экономики, являющееся одним из ключевых признаков структурной трансформации, в России происходит крайне медленно и в недостаточных масштабах.

Важно отметить и качественные различия. В США рост занятости в секторе сопровождается развитием высокопроизводительных и высокооплачиваемых профессий в сферах IT, медиа и дизайна, что способствует росту общего уровня доходов. В России, по экспертным оценкам, значительная часть занятости в креативном секторе (особенно в подсекторах культуры и искусства) остается неформальной, проектной и менее защищенной, что может нивелировать потенциальные положительные социально-экономические эффекты от его расширения⁹.

Экспортный потенциал креативного сектора

Важным показателем развития креативного сектора в экономике государства является уровень экспорта производимых им товаров и услуг. Анализ динамики и структуры данного показателя позволяет оценить не

⁴ Информация о ключевых экономических показателях (индикаторах), характеризующих креативную экономику РФ // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Indicators%20of%20Creative%20Economy%2021-2024.xlsx>.

⁵ Development Report on Culture and Related Industries in 2024 // National Bureau of Statistics of China. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202507/t20250707_1960343.html?#:~:text=Expenditure%20on%20research%20and%20development,that%20of%20all%20cultural%20industries.

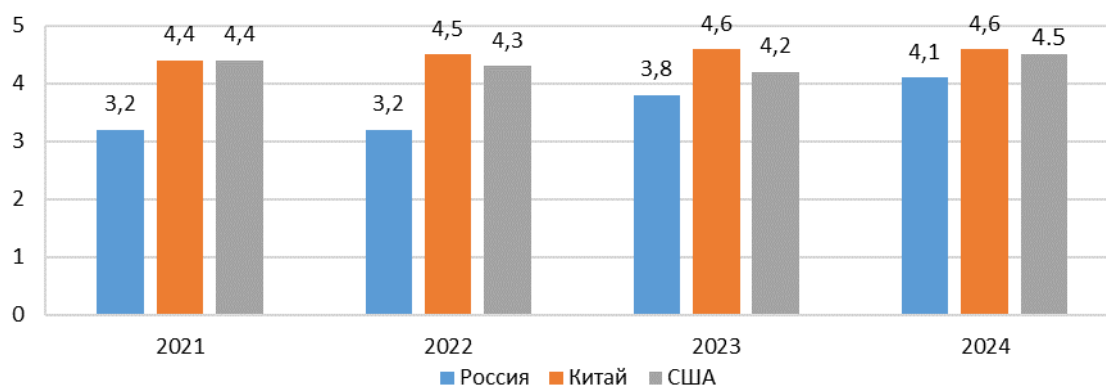
Art and Cultural Industries Grew at Twice the Rate of the U.S. Economy, Adding 1.2 Trillion // National Endowment for the Arts. URL: <https://www.arts.gov/news/press-releases/2025/arts-and-cultural-industries-grew-twice-rate-us-economy-adding-1-2-trillion>.

⁶ Креативная экономика России сегодня // Центр стратегических разработок. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/12076383da381203a530669fff216077/kreativnaya_ekonomika_rossii_segodnya_2025.pdf.

⁷ Arts and Cultural Production Satellite Account, U.S. and States, 2022. New statistics for 2022; 2017–2021 updates // Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/news/2024/arts-and-cultural-production-satellite-account-us-and-states-2022>.

⁸ См. 4.

⁹ Креативный сектор России в цифрах: 2024 // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/996745056.pdf>.

Рис. 2. Вклад креативной экономики в ВВП исследуемых стран за 2021–2024 гг., %

Fig. 2. Contribution of the creative economy to the GDP of the studied countries for 2021–2024, %

Источники: Информация о ключевых экономических показателях (индикаторах), характеризующих креативную экономику РФ // Федеральная служба государственной статистики.

URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Indicators%20of%20Creative%20Economy_2021-2024.xlsx.

Development Report on Culture and Related Industries in 2024 // National Bureau of Statistics of China.

URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202507/t20250707_1960343.html?#:~:text=Expenditure%20on%20research%20and%20development,that%20of%20all%20cultural%20industries.

Art and Cultural Industries Grew at Twice the Rate of the U.S. Economy, Adding 1.2 Trillion // National Endowment for the Arts.

URL: <https://www.arts.gov/news/press-releases/2025/arts-and-cultural-industries-grew-twice-rate-us-economy-adding-12-trillion>.

Arts and Cultural Production Satellite Account, U.S. and States, 2022.

New statistics for 2022; 2017–2021 updates // Bureau of Economic Analysis.

URL: <https://www.bea.gov/news/2024/arts-and-cultural-production-satellite-account-us-and-states-2022>.

Sources: Information on key economic indicators (indicators of the creative economy of the Russian Federation). Federal State Statistics Service. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Indicators%20of%20Creative%20Economy_2021-2024.xlsx.

Development Report on Culture and Related Industries in 2024. National Bureau of Statistics of China.

URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202507/t20250707_1960343.html?#:~:text=Expenditure%20on%20research%20and%20development,that%20of%20all%20cultural%20industries.

Art and Cultural Industries Grew at Twice the Rate of the U.S. Economy, Adding 1.2 Trillion. National Endowment for the Arts.

URL: <https://www.arts.gov/news/press-releases/2025/arts-and-cultural-industries-grew-twice-rate-us-economy-adding-12-trillion>.

Arts and Cultural Production Satellite Account, U.S. and States, 2022. New statistics for 2022; 2017–2021 updates. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/news/2024/arts-and-cultural-production-satellite-account-us-and-states-2022>.

только внешнеэкономические позиции сектора, но и его роль в формировании новой экспортной специализации национальной экономики.

Анализ данных выявляет расхождение в траекториях развития (рис. 4). Так, Китай демонстрирует феноменальные темпы роста, увеличив объем экспорта более чем в 2,3 раза за четыре года – с 94,1 млрд долл. в 2021 году до 217,2 млрд долл. в 2024 году¹⁰. Эта динамика значительно опережает общемировой тренд и утверждает КНР в качестве безусловного глобального лидера по данному показателю. Структура китайского экспорта традиционно смещена в сторону креативных товаров (дизайнерские изделия, новинки электроники, игрушки), однако в последние годы стремительно растет экспорт цифровых услуг и контента, что соответствует общемировому тренду на дематериализацию. США также показывают уверенный рост (в 2,2 раза), увеличив экспорт с 19,3 млрд до 41,8 млрд долл.¹¹ При этом

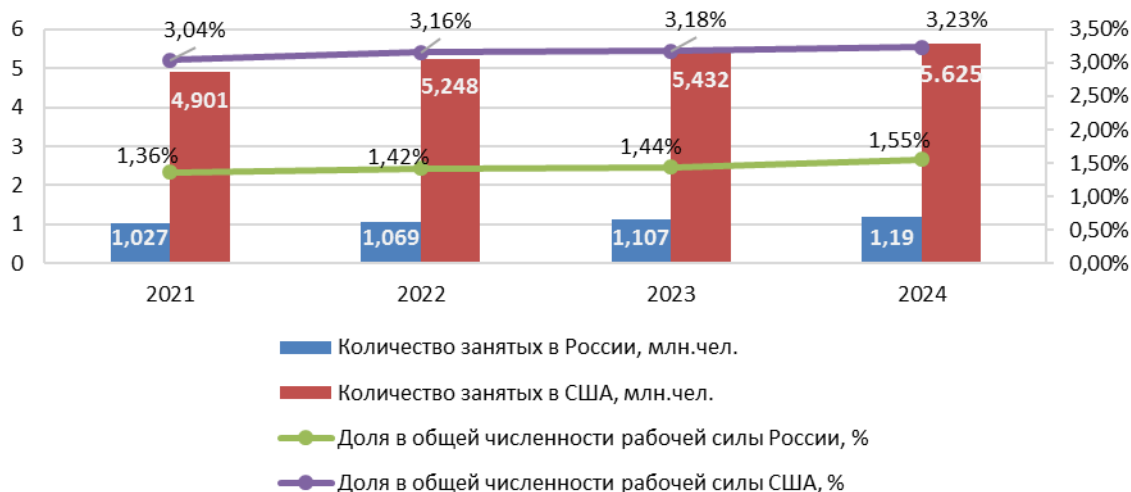
американская модель, в соответствии с глобальными тенденциями, ориентирована на экспорт высокомаржинальных услуг: лицензионное программное обеспечение, аудиовизуальная продукция (кино, ТВ-форматы, музыка), услуги в области R&D и дизайна.

В противоположность этому, Россия демонстрирует негативную динамику, противоречащую мировым трендам. После падения с 6,7 млрд долл. в 2021 году до 2,6 млрд в 2022 году, показатель продолжил снижение, стабилизировавшись на минимальных уровнях в 1,42–1,56 млрд долл.¹² в 2023–2024 гг. Это означает сокращение экспортной выручки креативного сектора более чем в 4 раза за четыре года. Данный коллапс является прямым следствием действия комплекса внешних ограничений (санкции, разрыв логистических и финансовых цепочек, выход из международных цифровых платформ), а также структурных слабостей самого сектора, исторически зависимость от импорта оборудования,

¹⁰ Creative Economy Outlook 2024. New York: United Nations, 2024. 146 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_en.pdf.

¹¹ См. 10.

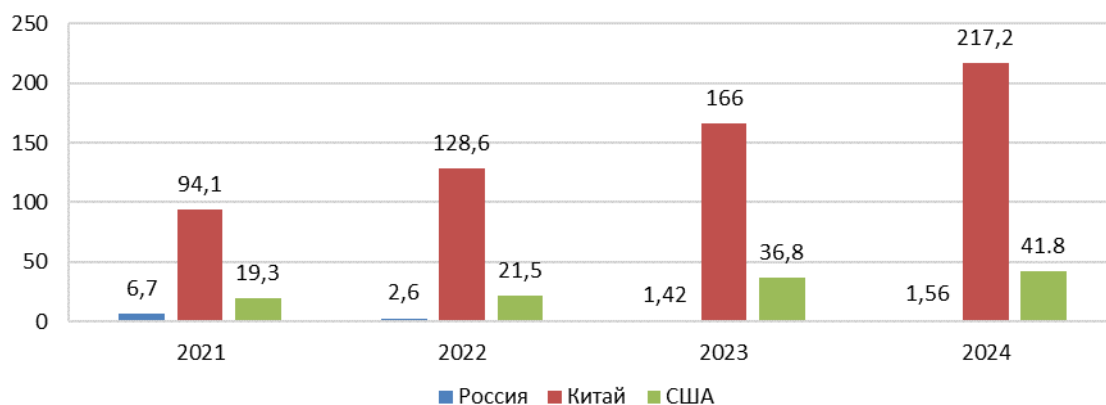
¹² Креативная экономика России сегодня // Центр стратегических разработок. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/12076383da381203a530669fff216077/kreativnaya_ekonomika_rossii_segodnya_2025.pdf.

Рис. 3. Занятость в креативном секторе России и США

Fig. 3. Employment in the creative sector in Russia and the United States

Источники: Информация о ключевых экономических показателях (индикаторах), характеризующих креативную экономику РФ // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Indicators%20of%20Creative%20Economy_2021-2024.xlsx. Arts and Cultural Production Satellite Account, U.S. and States, 2022. New statistics for 2022; 2017–2021 updates // Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/news/2024/arts-and-cultural-production-satellite-account-us-and-states-2022>. Sources: Information on key economic indicators (indicators) of the creative economy of the Russian Federation. Federal State Statistics Service. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Indicators%20of%20Creative%20Economy_2021-2024.xlsx. Arts and Cultural Production Satellite Account, U.S. and States, 2022. New statistics for 2022; 2017–2021 updates. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/news/2024/arts-and-cultural-production-satellite-account-us-and-states-2022>.

Рис. 4. Объем экспорта товаров и услуг креативных секторов исследуемых стран, млрд долл.

Fig. 4. Volume of exports of goods and services of the creative sectors of the studied countries, billion USD

Источники: Creative Economy Outlook 2024. New York: United Nations, 2024. 146 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_en.pdf. Креативная экономика России сегодня // Центр стратегических разработок. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/12076383da381203a530669fff216077/kreativnaya_ekonomika_rossii_segodnya_2025.pdf. Sources: Creative Economy Outlook 2024. New York, United Nations Publ., 2024. 146 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_en.pdf. The creative economy of Russia today. The Center for Strategic Research. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/12076383da381203a530669fff216077/kreativnaya_ekonomika_rossii_segodnya_2025.pdf.

ПО и зарубежных партнерских сетей для дистрибуции. В структуре российского экспорта доминируют ИТ-услуги (аутсорсинг, разработка), экспорт которых также значительно сократился, в то время как экспорт культурного контента и дизайнерских решений носит ограниченный характер.

Модели государственной политики в области креативной экономики

Также необходимо отметить, что реализация трансформационного потенциала креативного сектора в решающей степени детерминирована качеством институциональной среды, целенаправленно формируемой государственной политикой.

Условно в международной практике можно выделить три модели государственной поддержки креативного сектора. Так, в США действует либерально-рыночная модель: государство создает рамочные условия – защита интеллектуальной собственности, налоговые кредиты для кинопроизводства и венчура, финансирование фундаментальных исследований через NSF, выступая гарантом правил, в то время как рынок определяет направления развития. Китай реализует модель стратегического государственно-частного партнерства, интегрируя сектор в национальные стратегии. Поддержка носит директивный характер – прямые инвестиции в кластеры, протекционизм рынка для выращивания национальных чемпионов типа Tencent, экспансия через «Пояс и путь»). Страны ЕС (Великобритания, Германия, Франция) развивают культурно-ориентированную модель, сочетающую экономические и социальные цели через законодательное закрепление статуса индустрий, публичное финансирование (нацфонды, программа Creative Europe) и акцент на региональное развитие и культурное разнообразие.

Российский контекст представляет собой гибридную модель. Несмотря на принятие в 2025 году Стратегии развития креативной экономики до 2036 года, нормативная база остается фрагментарной, создавая правовую неопределенность. Финансовая поддержка основана на прямом бюджетном финансировании (нацпроект «Культура», гранты), тогда как рыночные инструменты (налоговые льготы, венчур) развиты слабо. Это формирует зависимость сектора от госзаказа и ограничивает его экспортный потенциал. Создаваемые креативные кластеры (например, «Таврида», «Севкабель Порт») часто выполняют культурно-досуговую, а не производственно-экономическую функцию.

Пространственно-географическая организация креативного сектора

Важным индикатором зрелости креативного сектора является его пространственно-географическая организация. Для креативных индустрий характерна выраженная агломерационная экономия, закономерно приводящая к концентрации в крупных городских центрах, которые становятся узлами генерации идей, притяжения талантов и капитала. В ведущих экономиках, однако, этот процесс привел не к монополизации одного центра, а к формированию устойчивой полицентричной модели. Помимо глобальных столиц вроде Нью-Йорка, Лондона или Шанхая, возникла сеть специализированных городов-кластеров: в США Сан-Франциско и Сиэтл доминируют в ИТ-дизайне, Остин – в музыке и техноло-

гиях, Атланта – в кинопроизводстве; в Китае Шэньчжэнь стал мировым хабом индустриального дизайна и хардвер-инноваций, Ханчжоу утвердился как столица электронной коммерции и digital-дизайна, Чэнду превратился в ведущий центр разработки видеоигр и цифровой анимации, а Гуанчжоу укрепил позиции в сфере модной индустрии и издательского дела [16]. Эта диверсификация отражает зрелость экосистемы, где разные города развивают уникальные конкурентные преимущества на основе локальных ресурсов и компетенций.

В противоположность этой модели, в России наблюдается ярко выраженная гиперконцентрация креативного сектора. По оценкам Росстата на 2023 год лидером отрасли по уровню добавленной стоимости являлся Центральный федеральный округ, на который приходится 3868,6 млрд руб. (68 % от общего объема добавленной стоимости). Большую долю в показателе Центрального ФО при этом занимает Москва, аккумулировав 3261,3 млрд руб. креативной экономики¹³. Остальные города-миллионники лишь начинают формировать узнаваемые профили, а их совокупный вклад остается незначительным. Эта пространственная асимметрия напрямую коррелирует с низкими позициями российских городов в международных рейтингах креативности.

Инновации и цифровизация

Другим неотъемлемым на сегодняшний день компонентом и показателем развития креативного сектора экономики является его инновационная активность. Мировой тренд демонстрирует стремительную конвергенцию креативных индустрий с сектором информационно-коммуникационных технологий, искусственным интеллектом и расширенной реальностью, что порождает принципиально новые продукты, бизнес-модели и рынки. Ключевым индикатором здесь выступает не только доля цифровых продаж, но и уровень разработки и внедрения инноваций внутри креативного сектора, а также его роль в создании кросс-отраслевых решений для промышленности, образования и городского управления.

В странах-лидерах, таких как США и Китай, креативный сектор является не потребителем, а активным генератором и ранним адаптером технологий. В США мощная экосистема стартапов в данной сфере, подпитываемая венчурным капиталом Кремниевой долины, превращает креативные индустрии в лабораторию для тестирования и внедрения прорывных решений на основе ИИ и больших данных. В Китае стратегия «Интернет+» и государственная поддержка цифровых платформ привели к возникновению гигантов, подобных ByteDance (TikTok), которые создали глобально успешный продукт, основанный на алгоритмах рекомендаций и генерации контента, то есть на стыке креативности и глубокой технологизации. Европейский подход, в свою очередь, часто делает акцент

¹³ Валовая добавленная стоимость креативной экономики и доля ВДС креативной экономики в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/1f486618d83baeab9dec3784a4e8a9dc/Valovaya_dobavennaya_stoimost_kreativnoy_ekonomiki_i_dolya_VDS_kreativnoy_ekonomiki_v_valovom_regionalnom_produkte_subjekta_Rossijskoj_Federacii.xlsx.

на применении *digital*-инструментов для сохранения и популяризации культурного наследия, создания иммерсивных музейных и туристических продуктов.

В России ситуация характеризуется выраженной дихотомией и структурным перекосом. С одной стороны, IT-подсектор демонстрирует высокую технологическую зрелость и является основным драйвером цифрового экспорта. Российские разработки в области игровой индустрии, корпоративного софта и в некоторых нишевых областях (например, компьютерная графика) сохраняют конкурентоспособность. Однако, с другой стороны, остальные креативные индустрии – дизайн, музыка, издательское дело, визуальные искусства – демонстрируют критическое отставание в уровне цифровизации, использовании данных и внедрении новых технологий. Кроме того, слабо развита инновационная инфраструктура в самих креативных индустриях, а финансирование в этой сфере носит эпизодический характер, что в итоге объясняет небольшой (порядка 10 %) удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность¹⁴.

Интегральная оценка соответствия российской креативной экономики глобальным трендам

Интегральная оценка, выполненная с помощью авторского Индекса соответствия глобальным трендам, количественно подтверждает выявленные качественные диспропорции. Итоговое значение интегрального индекса, согласно данным Таблицы 2, составляет 0,283 ($\approx 0,28$) и указывает на то, что траектория развития креативного сектора России соответствует ключевым мировым трендам структурной трансформации экономики лишь на 28 %. Этот синтетический показатель наглядно демонстрирует, что наблюдаемый рост доли сектора в ВВП является в значительной степени следствием узкой отраслевой специализации и общей макроэкономической конъюнктуры, а не результатом глубокой качественной перестройки.

Полученные значения компонентов индекса выявляют основные «зоны отставания». Так, низкая оценка по компоненте цифровизации (0,30) отражает ситуацию, при которой интенсивная цифровая трансформация характерна преимущественно для IT-кластера, в то время как значительная часть традиционных креативных индустрий демонстрирует отставание во внедрении новых технологий и цифровых бизнес-моделей – доля организаций, внедряющих AI/VR в этих сегментах, по данным Росстата, как отмечалось ранее, не превышает 10–15 %. Наиболее критичное значение имеет компонента экспорта (0,23), которая количественно фиксирует глубину произошедшего коллапса внешнеэкономической деятельности сектора. Компонента полицентризма, рассчитанная с учетом доли Центрального федерального округа (0,32), подтверждает сохраняющуюся гиперконцентрацию экономической активности в центральном регионе страны. Оценка институциональной ком-

поненты (0,30) отражает выявленный дисбаланс в государственной политике, где доминируют прямые бюджетные инструменты, а механизмы рыночного стимулирования остаются недостаточно развитыми.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование позволяет сформулировать системные выводы о роли креативного сектора в структурной трансформации экономики, выявив как общемировые закономерности, так и ключевые отличия, определяющие уникальную траекторию России. Полученные результаты требуют осмысления в контексте сложившегося поля научных знаний, чтобы определить, в какой степени они подтверждают, развивают или ставят под сомнение устоявшиеся теоретические концепции.

Результаты исследования в целом подтверждают тезис Р. Флориды о том, что креативный класс и индустрии становятся ключевым фактором экономического роста в постиндустриальных обществах [17]. Выявленная в США и Китае устойчивая корреляция между зрелостью сектора, высокой долей в ВВП ($\approx 4,5\%$) и формированием высокопроизводительной занятости в точности соответствует описанной Флоридой модели «трех Т». Проведенное исследование развивает и конкретизирует эту модель, показывая, что в разных институциональных средах она реализуется по-разному: в США – через рыночную экосистему, а в Китае – через стратегическое государственно-частное партнерство. В этом контексте теория Флориды, критикуемая за игнорирование роли государства, дополняется китайским кейсом, который демонстрирует эффективность директивной интеграции креативного сектора в национальные стратегии.

Выводы о структурной фрагментации российского сектора (доминирование IT при слабости культурного ядра) вступают в противоречие с классическим определением Дж. Хоукинса, рассматривающим креативную экономику как целостную систему, где идеи генерируют экономическую ценность¹⁵. Анализ показывает, что в России эта система дезинтегрирована: технологический компонент (IT) развивается обособленно от культурно-содержательного, что блокирует синергетические эффекты. Это свидетельствует о том, что формальное наличие «креативных индустрий» не является достаточным условием для запуска трансформационных процессов. Требуется глубокая институциональная и производственная связность между подсекторами, которой в РФ не наблюдается.

Данные по экспорту креативных услуг США и Китая полностью соответствуют ключевому тренду, отраженному в докладах ЮНКТАД, – опережающему росту экспорта услуг и цифровых продуктов как драйвера структурной трансформации. Российский же кейс представляет собой уникальный «антитренд» – резкое падение экспорта более чем в 4 раза после 2022 года. Этот результат не просто констатирует отставание, но и служит строгим эмпирическим доказательством тезиса о критической зависимости интеграции в глобальную цепочку создания стоимости от институциональной

¹⁴ Информация о ключевых экономических показателях (индикаторах), характеризующих креативную экономику РФ // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Indicators%20of%20Creative%20Economy%202021-2024.xlsx>.

¹⁵ Хоукинс Дж. Креативная экономика: как превратить идеи в деньги. М.: Финансовая корпорация Открытие: Классика-XXI, 2011. 253 с.

Таблица 2. Расчет компонент Интегрального индекса соответствия глобальным трендам для России
 Table 2. Calculation of the components of the Integrated Global Trend Alignment Index for Russia

Компонент индекса	Значение для России	Нормализованное значение I_i	Вес w_i	Взвешенный вклад
Цифровизация и конвергенция	Низкий, фокус в IT-кластере	0,30	0,30	0,090
Рост экспорта услуг	1,56 млрд. долл. / 6,7 млрд. долл. = 0,23	0,23	0,30	0,069
Полицентризм	$1 - 0,68 = 0,32$	0,32	0,20	0,064
Рыночно-ориентированные институты	Доминирование прямых бюджетных трансфертов	0,30	0,20	0,060
ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ИНДЕКС				0,283

и геополитической стабильности – фактора, часто остающегося на периферии стандартных экономических моделей креативного сектора.

Выявленная концентрация креативного сектора в ЦФО (до 70 % ВДС) подтверждает универсальный закон агломерационной экономики, однако опровергает оптимистичные прогнозы о неизбежном полицентричном развитии, следующие из работ по эволюционной экономической географии [18]. Российская реальность демонстрирует, что в отсутствие целенаправленной политики по развитию региональных экосистем рыночные силы лишь усиливают центростремительные тенденции, ограничивая общий трансформационный потенциал сектора.

Мировой тренд на тотальную цифровизацию и конвергенцию, в России реализуется избирательно и асимметрично. Полученные данные подтверждают, что IT-подсектор является технологическим лидером, что соответствует глобальной логике [19]. Однако отсутствие интеграции этих технологий в традиционные креативные индустрии (искусство, музыку, дизайн) указывает на наличие структурного барьера внутри национальной инновационной системы. Это развивает теорию конвергенции, добавляя к ней важное условие: необходима не только технологическая база, но и межотраслевые институты, каналы кооперации и рыночный спрос, способствующие распространению инноваций.

Наиболее наглядным синтезом выявленных диспропорций стал рассчитанный Интегральный индекс соответствия глобальным трендам (ИСГТ=0,28). Низкое значение индекса является опровержением предположения о том, что рост доли сектора в ВВП автоматически свидетельствует о его трансформационной роли. Индекс, построенный на компонентах, выведенных из ключевых мировых трендов (цифровизация, экспорт услуг, полицентризм, рыночные институты), объективно показывает, что российский сектор развивается по периферийной модели, не интегрированной в глобальные драйверы структурных изменений.

Таким образом, исследование позволяет утверждать, что мировая парадигма, в которой креативный сектор выступает агентом структурной трансформации, подтверждается на примере лидеров (США, Китай), но

находит лишь частичное и деформированное отражение в России. Отечественный случай служит важным дополнением к теории, демонстрируя, что при отсутствии целостной институциональной среды, сбалансированной отраслевой структуры и интеграции в глобальные сети креативный сектор не может выполнять функцию системного трансформатора. Для реализации его потенциала требуется не просто наращивание финансирования, а глубинная институциональная и структурная перестройка, направленная на преодоление ключевых разрывов. Без этого креативная экономика России рискует остаться периферийным явлением, неспособным оказать существенное влияние на преодоление сырьевой зависимости и построение экономики знаний.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате сравнительного анализа выделены три доминирующие глобальные модели государственной поддержки креативного сектора: либерально-рыночная (США), стратегического ГЧП (Китай) и культурно-ориентированная (ЕС). Российский случай противостоит этим консолидированным моделям, представляя собой гибридную практику, отмеченную фрагментарностью, гиперконцентрацией ресурсов в Москве и доминированием социокультурных целей над задачами структурной экономической трансформации.

Эмпирический анализ зафиксировал фундаментальный разрыв между потенциалом креативного сектора России и его реальным вкладом в структурную трансформацию экономики. Данный разрыв коренится в системных структурных дисбалансах, выявленных в ходе исследования. Их совокупность определяет природу российского креативного сектора не как единого интегрированного агента трансформации, а как конгломерата разнородных активов, где рост по отдельным показателям носит преимущественно конъюнктурный, а не устойчивый структурный характер.

Полученные выводы формируют методологическую основу для разработки адресных мер экономической политики, направленных на преодоление выявленных разрывов и реализацию трансформационного потенциала сектора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абанкина Т.В. Креативная экономика: переход к капитализации культурного наследия // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 100–116. DOI: [10.32609/0042-8736-2017-4-100-116](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-4-100-116).
2. Белокрылова О.С., Дубская Е.С. Мировой опыт формирования креативной экономики и возможности его использования в России // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 4-2. С. 5–11. EDN: [RWUYFV](https://www.edn.ru/RWUYFV).
3. Xinli Huang, Di Fan, Christine Soo. A social influence view of the internationalization of cultural products // Journal of International Business Studies. 2025. Vol. 56. № 8. P. 990–1009. DOI: [10.1057/s41267-025-00797-9](https://doi.org/10.1057/s41267-025-00797-9).
4. Dharmani P., Das S., Prashar S. A bibliometric analysis of creative industries: Current trends and future directions // Journal of Business Research. 2021. Vol. 135. P. 252–267. DOI: [10.1016/j.jbusres.2021.06.037](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.06.037).
5. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Подходы к исследованию креативных индустрий для управления в цифровой экономике // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17. № 1. С. 63–89. DOI: [10.21202/2782-2923.2023.1.63-89](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.63-89).
6. Галазова С.С. Креативная сфера: проблемы рыночной трансформации // Terra Economicus. 2016. Т. 14. № 4. С. 31–41. DOI: [10.18522/2073-6606-2016-14-4-31-41](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2016-14-4-31-41).
7. Булочников П.А., Евменов А.Д., Сорвина Т.А. Методика комплексной оценки развития креативного сектора региональной экономики для АПАИТС // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 10. С. 1248–1260. DOI: [10.35854/1998-1627-2025-10-1248-1260](https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-10-1248-1260).
8. Саблин К.С., Валиева О.В. Креативные индустрии в современной экономике: определение, подходы к измерению // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 3. С. 31–49. DOI: [10.52342/2587-7666VTE_2024_3_31_49](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_3_31_49).
9. Абанкина Т.В. Креативная экономика в России: новые тренды // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 2. С. 222–229. DOI: [10.31737/2221-2264-2022-54-2-13](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-54-2-13).
10. Jianfei Yang, Černevičute J., Strazdas R., Tvaronaviciene M. Stimulation of cultural and creative industries clusters development: A case study from China // Terra Economicus. 2019. Vol. 17. № 3. P. 169–184. DOI: [10.23683/2073-6606-2019-17-3-169-184](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-169-184).
11. Bontadini F., Evangelista R., Meliciani V., Savona M. Technology, global value chains and functional specialisation in Europe // Research Policy. 2024. Vol. 53. № 2. Article number 104908. DOI: [10.1016/j.respol.2023.104908](https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104908).
12. Синилова А.В. Развитие креативной экономики: опыт США // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 4. С. 104–112. DOI: [10.24412/2072-8042-2025-4-104-112](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2025-4-104-112).
13. Логунцова И.В. Особенности креативной экономики Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 98. С. 21–30. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-98-21-30](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-21-30).
14. Imperiale F., Fasiello R., Adamo S. Sustainability Determinants of Cultural and Creative Industries in Peripheral Areas // Journal of Risk and Financial Management. 2021. Vol. 14. № 9. Article number 438. DOI: [10.3390/jrfm14090438](https://doi.org/10.3390/jrfm14090438).
15. Goya D. Marshallian and Jacobian externalities in creative industries: Evidence from Chile // Papers in Regional Science. 2024. Vol. 103. № 4. Article number 100028. DOI: [10.1016/j.pirs.2024.100028](https://doi.org/10.1016/j.pirs.2024.100028).
16. Batabyal A.A., Beladi H. The response of creative class members to regions vying to attract them with subsidies // International Regional Science Review. 2022. Vol. 45. № 5. P. 581–600. DOI: [10.1177/01600176211061835](https://doi.org/10.1177/01600176211061835).
17. Florida R., Mellander C. Technology, talent and economic segregation in cities // Applied Geography. 2020. Vol. 116. Article number 102167. DOI: [10.1016/j.apgeog.2020.102167](https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102167).
18. Boschma R., Martin R. Editorial: Constructing an Evolutionary Economic Geography // Journal of Economic Geography. 2007. Vol. 7. № 5. P. 537–548. DOI: [10.1093/jeg/lbm021](https://doi.org/10.1093/jeg/lbm021).
19. Миронов В.В., Кузнецов А.О. Цифровизация как детерминанта выбора экономической политики: российские реалии и мировой опыт // Вопросы экономики. 2024. № 4. С. 38–69. DOI: [10.32609/0042-8736-2024-4-38-69](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-4-38-69).

REFERENCES

1. Abankina T.V. Creative economy: towards cultural heritage capitalization. *Voprosy Ekonomiki*, 2017, no. 4, pp. 100–116. DOI: [10.32609/0042-8736-2017-4-100-116](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-4-100-116).
2. Belokrylova O.S., Dubskaya E.S. World experience of emerging of the creative economy and the opportunities of its use in Russia. *Terra Economicus*, 2013, vol. 11, no. 4-2, pp. 5–11. EDN: [RWUYFV](https://www.edn.ru/RWUYFV).
3. Xinli Huang, Di Fan, Christine Soo. A social influence view of the internationalization of cultural products. *Journal of International Business Studies*, 2025, vol. 56, no. 8, pp. 990–1009. DOI: [10.1057/s41267-025-00797-9](https://doi.org/10.1057/s41267-025-00797-9).
4. Dharmani P., Das S., Prashar S. A bibliometric analysis of creative industries: Current trends and future directions. *Journal of Business Research*, 2021, vol. 135, pp. 252–267. DOI: [10.1016/j.jbusres.2021.06.037](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.06.037).
5. Gumerova G.I., Shaymieva E.Sh. Approaches to researching creative industries for management in digital economy. *Russian Journal of Economics and Law*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 63–89. DOI: [10.21202/2782-2923.2023.1.63-89](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.63-89).
6. Galazova S.S. Creative industries: problems of market transformation. *Terra Economicus*, 2016, vol. 14, no. 4, pp. 31–41. DOI: [10.18522/2073-6606-2016-14-4-31-41](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2016-14-4-31-41).
7. Bulochnikov P.A., Evmenov A.D., Sorvina T.A. Methods for a comprehensive assessment of the development of the creative sector of the regional economy for AHSITS. *Economics and Management*, 2025, vol. 31, no. 10, pp. 1248–1260. DOI: [10.35854/1998-1627-2025-10-1248-1260](https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-10-1248-1260).
8. Sablin K.S., Valieva O.V. Creative industries in the modern economy: definition, approaches to measurement. *Issues of Economic Theory*, 2024, no. 3, pp. 31–49. DOI: [10.52342/2587-7666VTE_2024_3_31_49](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_3_31_49).
9. Abankina T.V. Creative economy in Russia: new trends. *Journal of the New Economic Association*, 2022, no. 2, pp. 222–229. DOI: [10.31737/2221-2264-2022-54-2-13](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-54-2-13).
10. Jianfei Yang, Černevičute J., Strazdas R., Tvaronaviciene M. Stimulation of cultural and creative industries clusters development: A case study from China. *Terra Economicus*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 169–184. DOI: [10.23683/2073-6606-2019-17-3-169-184](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-169-184).

11. Bontadini F., Evangelista R., Meliciani V., Savona M. Technology, global value chains and functional specialisation in Europe. *Research Policy*, 2024, vol. 53, no. 2, article number 104908. DOI: [10.1016/j.respol.2023.104908](https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104908).
12. Sinilova A.V. Developing creative economy: us experience. *Russian Foreign Economic Journal*, 2025, no. 4, pp. 104–112. DOI: [10.24412/2072-8042-2025-4-104-112](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2025-4-104-112).
13. Loguntsova I.V. Special features of china's creative economy. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 2023, no. 98, pp. 21–30. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-98-21-30](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-21-30).
14. Imperiale F., Fasiello R., Adamo S. Sustainability Determinants of Cultural and Creative Industries in Peripheral Areas. *Journal of Risk and Financial Management*, 2021, vol. 14, no. 9, article number 438. DOI: [10.3390/jrfm14090438](https://doi.org/10.3390/jrfm14090438).
15. Goya D. Marshallian and Jacobian externalities in creative industries: Evidence from Chile. *Papers in Regional Science*, 2024, vol. 103, no. 4, article number 100028. DOI: [10.1016/j.pirs.2024.100028](https://doi.org/10.1016/j.pirs.2024.100028).
16. Batabyal A.A., Beladi H. The response of creative class members to regions vying to attract them with subsidies. *International Regional Science Review*, 2022, vol. 45, no. 5, pp. 581–600. DOI: [10.1177/01600176211061835](https://doi.org/10.1177/01600176211061835).
17. Florida R., Mellander C. Technology, talent and economic segregation in cities. *Applied Geography*, 2020, vol. 116, article number 102167. DOI: [10.1016/j.apgeog.2020.102167](https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102167).
18. Boschma R., Martin R. Editorial: Constructing an Evolutionary Economic Geography. *Journal of Economic Geography*, 2007, vol. 7, no. 5, pp. 537–548. DOI: [10.1093/jeg/lbm021](https://doi.org/10.1093/jeg/lbm021).
19. Mironov V.V., Kuznetsov A.O. Digitalization as a determinant of economic policy choice: Russian realities and world experience. *Voprosy Ekonomiki*, 2024, no. 4, pp. 38–69. DOI: [10.32609/0042-8736-2024-4-38-69](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-4-38-69).

UDC 336.763

doi: <https://doi.org/10.18323/3034-2074-2026-1-64-4>

Assessment of the transformational potential of Russia's creative sector: between a driver and a conglomerate

Galina A. Khmeleva*¹, Doctor of Sciences (Economics), Professor,
professor of Chair of Regional Economics and Management

*Elena S. Materova*², PhD (Economics), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Economic Theory

Samara State University of Economics, Samara (Russia)

*E-mail: galina.a.khmeleva@yandex.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4953-9560>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7262-3256>

Received 23.01.2026

Revised 01.03.2026

Accepted 03.03.2026

Abstract. Problem. Despite the recognition of the creative sector as a driver of structural transformation in developed economies, there is no comprehensive quantitative assessment of the degree of its integration into global trends as applied to Russia. Existing studies are fragmentary, rely on outdated data, and do not account for the post-crisis transformation of 2022–2024, which hinders the development of sound economic policy. **Aim.** Based on a comparative analysis of quantitative indicators and institutional conditions, to identify the specific influence of the creative sector on the structural transformation processes of the Russian economy in the context of global trends and to determine the key barriers to realising its transformational potential. **Methods.** The study is based on a comprehensive methodology, including a comparative analysis of macroeconomic indicators of Russia, the United States, and China for 2021–2024 and a qualitative analysis of institutional factors. For a quantitative integral assessment, the authors developed the Global Trend Alignment Index (GTAI), which includes four components: digitalisation, exports, polycentrism, and institutions. **Results.** A fundamental gap was revealed between Russia and the leading countries: the share of the creative sector in Russia's GDP reached 4.1 % (compared to 4.5–4.6 % in the US and China); however, this growth was driven primarily by the IT cluster. Exports of creative services decreased by more than fourfold, and employment in the sector is also insignificant – 1.55 % of the labour force (in the US – 3.23 %). Spatial hyperconcentration in the Central Federal District reached 68 % of gross value added. The GTAI for Russia was 0.28, corresponding to a low level of alignment with global trends. **Conclusions.** In its current state, the Russian creative sector represents not a unified agent of transformation, but a conglomerate of heterogeneous assets with conjunctural rather than structural growth. The identified imbalances require not an increase in funding, but a deep structural restructuring aimed at overcoming the gaps between technologies and content, the capital and the regions, and government procurement and market expansion.

Keywords: creative economy; structural transformation; creative industries; export of creative services; integral index; digitalisation; spatial concentration; creativity index

For citation: Khmeleva G.A., Materova E.S. Assessment of the transformational potential of Russia's creative sector: between a driver and a conglomerate // *Digital Economy & Innovations*, 2025, no. 4, pp. 43–54. DOI: <https://doi.org/10.18323/3034-2074-2025-4-63-4>.